

Научная статья
УДК 93.27:316.36

Омельянчук Светлана Владимировна

кандидат исторических наук, доцент
Российский институт театрального искусства
Москва, Россия

omelyanchuks@mail.ru; ORCID: 0000-0002-8161-8552

ВЛИЯНИЕ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ НА ВОСПРИЯТИЕ ОБРАЗА ЖЕНЩИНЫ В ДРЕВНЕРУССКОМ ОБЩЕСТВЕ XI–XVII вв.

Аннотация. В статье рассматривается влияние религиозных и светских литературных произведений на восприятие женщины в древнерусском обществе. Историко-графический анализ проблемы показывает, что до настоящего времени она не получила окончательного разрешения, оставаясь актуальной.

После крещения Руси литературное творчество развивалось в религиозном русле, что накладывало свой отпечаток на восприятие женщины. Основным недостатком представительниц прекрасного пола считалась нестойкость перед дьявольскими соблазнами. Попав под влияние лукавого, женщина толкает к греху и мужчину. Порочная сущность женщины нашла свое воплощение в образе злой жены, которой свойственны распущенность, хитрость, коварство, жадность, расточительность, сварливость, лживость и многие другие недостатки. Образ злой жены нашел свое развитие и в светской литературе, как отечественной, так и переводной. Популярность подобного рода произведений способствовала закреплению негативного отношения к женщине и усилению власти над ней мужчины. Однако женщина, как и любое другое творение Бога, не могла быть сосредоточением только пороков, поэтому рядом с образом злой жены в религиозной литературе появляется и образ доброй жены. Последней свойственны лучшие, с точки зрения духовенства, качества: доброта, молчаливость, покорность, смирение, трудолюбие. В реальной жизни найти таких женщин было сложно. Образ доброй жены в светской литературе был более жизненный, противоречия порой христианскому идеалу. Многие

качества, рассматриваемые церковью как пороки, в светских произведениях были представлены как достоинства женщин (красота, ум, хитрость, целеустремленность). Образ доброй жены в светских произведениях способствовал началу переосмысления роли женщины в семье и обществе.

Ключевые слова: Древняя Русь, женщина, злая жена, добрая жена, религиозная литература, светская литература, семья.

Для цитирования: Омелянчук С. В. Влияние литературных произведений на восприятие образа женщины в древнерусском обществе XI–XVII вв. // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2024. № 3 (55). С. 6–24.

Original article

UDC 93.27:316.36

Omelyanchuk Svetlana W.

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

Russian Institute of Theatre Arts

Moscow, Russia

omelyanchuks@mail.ru; ORCID: 0000-0002-8161-8552

THE INFLUENCE OF LITERARY WORKS ON THE PERCEPTION OF THE IMAGE OF WOMEN IN ANCIENT RUSSIAN SOCIETY OF THE XIth–XVIIth CENTURIES

Abstract. The article examines the influence of religious and secular literary works on the perception of women in ancient Russian society. Historiographical analysis of the problem shows that to this day it has not received a final resolution, remaining relevant. After the baptism of Rus, literary creativity developed in a religious vein, which left its mark on the perception of women. The main disadvantage of the fair sex was considered to be instability in the face of devilish temptations. Having fallen under the influence of the evil one, a woman pushes a man to sin. The vicious essence of a woman found its embodiment in the image of an “evil wife”, which is characterized by licentiousness, cunning, deceit, greed, extravagance, quarrelsomeness, deceit, and many other shortcomings. The image of an “evil wife” found its development in secular literature, both domestic and translated. The popularity of such works contributed to the consolidation of a negative attitude towards women and the strengthening of a man’s power over them. However, a woman, like any other creation of God, could not be a concentration of only vices, therefore, next to the image of the “evil wife” in religious literature, there is also the image of the “good wife”. The latter is characterized by the best, from the point of view of the clergy, qualities: kindness, silence, obedience, humility, hard work. In real life, it was difficult to find such women. The image of the “good wife” in secular literature was more lifelike, sometimes contradicting the Christian ideal. Many qualities considered by the church as vices were presented in secular works as virtues of women (beauty, intelligence, cunning, purposefulness). The image of the “good wife” in secular works contributed to the beginning of a rethinking of the role of women in the family and society.

Keywords: Ancient Rus', woman, "evil wife", "good wife", religious literature, secular literature, family.

For citation: Omelyanchuk S. W. The influence of literary works on the perception of the image of women in ancient russian society of the XIth–XVIIth centuries // MCU Journal of Historical Studies. 2024. № 3 (55). P. 6–24.

Введение. Литературные произведения, как религиозного, так и светского характера, оказывали заметное влияние на формирование отношения к женщине в допетровском обществе, во всяком случае в его образованных слоях.

Впервые в отечественной историографии внимание к проблеме влияния литературы на складывание представлений о роли женщины в семье и обществе появилось еще в дореволюционный период. В статье А. П. Щапова «Влияние общественного мирозерцания на социальное положение женщины в России»¹ была предпринята попытка раскрыть положение древнерусской женщины на основе былин.

Советские исследователи редко затрагивали проблемы, связанные с положением женщины в семье и отношением к ней в обществе, тем более через призму литературных произведений. Исключением стал труд Б. А. Романова, в котором был проанализирован образ злой жены в «Слове Даниила Заточника»².

В современной отечественной историографии литературные произведения рассматривались как источник для изучения сексуальности древнерусской женщины³. Влияние церковной учительной литературы на создание типов злой и доброй жены на рубеже в XVII–XVIII вв. показано в работе Е. С. Анпиловой⁴. Формированию и эволюции образов злой и доброй жены в русских литературных произведениях допетровского периода уделено значительное внимание в отечественном литературоведении⁵.

¹ Щапов А. П. Влияние общественного мирозерцания на социальное положение женщины в России // Сочинения: в 3 т. Т. 2. СПб., 1906. С. 55–104.

² Романов Б. А. Люди и нравы древней Руси. Историко-бытовые очерки. М., Л., 1966.

³ Пушкарёва Н. Л. Сексуальность в частной жизни русской женщины (X–XX вв.): влияние православного и этакратического гендерных порядков // Женщина в российском обществе. 2008. № 2. С. 3–17; Долгов В. В. Знаковая составляющая сексуальной культуры Древней Руси XI–XIII веков // Этнографическое обозрение. 2009. № 2. С. 124–128; Мороз Е. Веселая Эрата: Секс и любовь в мире русского Средневековья. М., 2011.

⁴ Анпилова Е. С. Русская женщина в восприятии современников на рубеже XVII–XVIII веков // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 92. С. 45–48.

⁵ Дёмин А. С. Женские загадки в древнерусской литературе XI–XIV вв. // Дёмин А. С. О художественности древнерусской литературы: Очерки древнерусского мировидения от «Повести временных лет» до сочинений Аввакума. М., 1998. С. 100–104; Дроздова М. А. Образ «злой жены» в произведениях древнерусской словесности XVII века // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2015. Т. 1. № 4. С. 9–15; Её же. Образ «злой жены» в переводном рыцарском романе XVII века на примере образа королевы Милитрисы в «Повести

Ход и результаты исследования. С принятием христианства на Руси и с появлением письменности основу литературного творчества составляли произведения религиозного содержания, авторы которых были настроены критически по отношению к женщинам. Главным недостатком, который вменялся представительницам прекрасного пола со стороны духовенства, была их уязвимость перед дьявольскими соблазнами, попав под влияние которых женщина и мужчину уводит с пути истинного: «И из начала и до сего часа враг женами прельщает род человеческий»⁶. Как указывает Иоанн Златоуст, «женою многи погибоша и в лютыя грехи впадоша»⁷. Авторы религиозных текстов настаивают, что именно посредством женщины дьявол творит свои самые страшные козни: «Исперва бо Адам женою прельщен бысть, женою Иосиф в темнице затворен бысть, женою Давид в убийство впаде, женою Соломон прильщен погибе, Евдокия царица Иоанна Златоустаго заточи, жена Сампсона (храбраго) ослепи, жена Пророка Илию прогна, Предтечу Иоанна усекну»⁸.

Именно по наущению дьявола, сказано в апокрифе «Об потопе», жена Ноя вывела у супруга тайну постройки ковчега, и «дьявол же, придя, разломал постройку Ноя... И плакал Ной 40 дней». Еще 30 лет, как говорится в апокрифе, ему пришлось трудиться, чтобы воссоздать ковчег. Эта же женщина, подчинившись воле врага рода человеческого, помогла ему спастись во время потопа: «Дьявол... приблизился к жене Ноя и сказал ей: “Не входи в ковчег без моего слова”. И тогда супруга Ноя по наущению дьявола не пошла в ковчег... Ной же начал звать в ковчег: “Иди, окаянная, в ковчег, иди, обманщица!” Она же стояла, горя о родных своих и ожидая слова дьявола. И сказал ей Ной: “Иди, дьявол, в ковчег!” Она же пошла в ковчег, и дьявол с нею же вошел в ковчег»⁹.

Следствием дьявольского влияния на женщину стала ее склонность к многочисленным порокам, среди которых самыми опасными считались распущенность и сластолюбие. По мнению автора «Троянской истории», одного из первых западноевропейских произведений, переведенных на Руси, мысль женская «всегда мужа хотети»¹⁰.

о Бове королевиче» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 3-1 (57). С. 20–22; Сулица Е. И. Женские персонажи древнерусской словесности: поэтическая образность и принцип синкретичности // Вестник РГУ имени С. А. Есенина. 2014. № 4 (45). С. 76–90.

⁶ Волоколамский патерик // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 9. Конец XV – первая половина XVI века / под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. СПб., 2006. С. 60.

⁷ О злых женах (Слово Иоанна Златоуста) // Памятники древнерусской церковно-учительной литературы. Вып. 3. СПб., 1897. С. 123.

⁸ О злых женах (Слово Иоанна Златоуста). С. 123; О преподобном Моисее Угрине // Патерик Киевского Печерского монастыря. СПб., 1911. С. 102; Слово блаженного Зоровавеля // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 3. XI–XII века / под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. СПб., 2004. С. 155; Волоколамский патерик. С. 61.

⁹ Об потопе (Апокриф) // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 3. С. 111.

¹⁰ Из «Троянской истории» // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 8. Вторая половина XIV – первая половина XVI века / под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. СПб., 2003. С. 170.

Так, в повести «О преподобном Моисее Угрине» знатная вдова из Польши («ляхиня») «красна сущи и юна, имуща богатство много и власть велию», увидев красоту плененного поляками Моисея Угрина, «уязвися в сердци възделением» к преподобному и начала склонять Моисея к браку с ней, но встретила отказ. Не смирившись с этим ляхиня выкупила плененного Моисея и попыталась соблазнить преподобного в «многоценные ризы облькыши его, и сладкими брашны того кормяши, и нуждениемъ любовнымъ того объемлющи, и на свою похоть нудящи». Но и здесь она потерпела поражение. Оскорбленная подобным пренебрежением женщина решила пойти на крайние меры: велела «гладом уморити его», а после подвергла Моисея тяжким истязаниям: велела растянуть его и бить палками, так что и земля напиталась кровью. Не получив желаемого путем насилия, она «повеле его положить нужею на одре своем с собою, лобызающе и обоимающе». Когда и эта попытка соблазнения Моисея не удалась, ляхиня «повеле ему 100 ран дати на всяк день; последи же повеле ему тайныя уды урезати», говоря при этом «не пощажу сего доброты, да не насытятся инии сего красоты». Только смерть польского короля Болеслава и убийство в ходе великого мятежа «во всей земле Ляшской» вдовы позволили преподобному Моисею Угрину вернуться на родину¹¹.

В Волоколамском патерике XVI в. рассказывается, как развратность жены чуть было не привела к гибели достойного воина, отправившегося освободить свою супругу из плена. Однако, придя во неприятельский лагерь, он застаёт ее с вражеским князем «лежащу на одре, такоже ото многого пьянства спящу». Увидев мужа своего, неверная жена «возбуди варвара. Он же встав и нача битися с мужем ея». Только вмешательство верного пса спасает героя от верной гибели и позволяет одержать победу над врагом. «Оле бесованиа женьскаго!! — восклицает автор. «И зверей явися злейши: сей убо избави господина своего от смерти, жена же предаде его на смерть», ибо «изъначала убо вся злая роду человеческому быша жены ради»¹².

Сформированный в рамках религиозной литературной традиции предрассудок о слабости женщины перед дьявольскими кознями и ее природной развращенности нашел свое воплощение и в светской литературе XVII в. В «Повести о Савве Грудцыне» дьявол, желая отомстить орловскому мещанину Важену за «добродетелное житие», в качестве орудия выбирает его молодую супругу. Лукавый с легкостью «уязвляет» (совращает) ее на соблазнение купеческого сына Саввы Грудцина — сына старинного друга ее супруга. Простота, с которой дьявол подчиняет себе жену Важена, по мнению автора, объясняется тем, что «женское естество» всегда «уловляетъ умы младыхъ отроковъ блудодеянию»¹³.

¹¹ О преподобном Моисее Угрине. С. 102–106.

¹² Волоколамский патерик. С. 60.

¹³ Повесть о Савве Грудцыне // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 15. XVII век / под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, Н. В. Поньрко. СПб., 2006. С. 45.

Автор не жалеет черной краски, описывая действия женщины, направленные на принуждение юноши «к смешению блуда»: он называет ее «лютой змей» и «ехидной злой». Не сумев ни ласками, ни угрозами «приклонити к воли своей» Савву, «лукавая жена» опаивает юношу «волшебнымъ зелием», от которого он «начать сердцемъ болети и тужити по жене оной. Она же, яко лютая змия и лвица, яростию погледеша на него и приветства не являше ему. Он же, сокрушался, по ней тужа»¹⁴. Результатом становится грехопадение Саввы, чуть не погубившее его душу. Только искреннее раскаяние и вмешательство Пресвятой Богородицы «избави его от тмы греховныхъ»¹⁵.

Разнообразные типы распущенных, похотливых жен представлены в одном из самых популярных в России XVII в. переводных произведений — «Повести о семи мудрецах». Центральным здесь является образ молодой жены царя Елизара, которая не только при себе держала любовника, переодетого девушкой, чтобы «разжение похотное утоляше и любоблудное хотение улажаше», но и склоняла к преступной близости своего пасынка Диоклетиана, говоря: «О пресладкий мой Диоклетиану, свете очию моею, возгорение сердечное, жало любовное, лязи и буди со мною, да насытишиися моя красота», а не получив желаемого, обвинила его в попытке изнасилования¹⁶. Остальные образы были описаны советниками Елизара, старавшимися убедить царя не доверять на слово жене и не торопиться с казнью сына. Среди них — «велми красная» жена, которая не только изменяла своему супругу-рыцарю, но и способствовала его казни, оговорив на суде; коварная купеческая жена, которая «греховнаго ради хотения своего и возжеления плотскаго» «чюжеложествовала» с неким юношей; молодая супруга старого рыцаря, для «утехи тела» своего желавшая изменить супругу с попом и другие¹⁷.

Вся совокупность женских пороков нашла свое отражение в созданном в Византийской империи сочинении о злых женах. Большая часть содержащихся в нем поучений приписывается Иоанну Златоусту, чье творчество было очень популярно на Руси. Добрые жены встречаются очень редко, по мнению святителя: «Жена бо покорлива и послушлива — честь и дар от Бога», а вот за грехи мужу дается «язычна жена и ленива». Такая жена обычно лжива («сего бо ради рече “не веруй” имъ же»), льстива («глаголет бо клюками [лукаво], а не истину»), сварлива и злоязычна («лучше в пуге земле жити, нежели со женою сварливою и прокудливою. Якоже бо червь во древе, тако и злая жена мужа погубит, и яко капливая храмина в день дождя изгонит сидящая в ней, тако и сварливая жена мужа своего из дому изгонит»)¹⁸ и, конечно же, болтлива («Жене зле ничего тайны не поведай, да не погибнеши. Реткая бо тайна

¹⁴ Повесть о Савве Грудцыне. С. 46–47.

¹⁵ Там же. С. 55–58.

¹⁶ Повесть о семи мудрецах // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 15. С. 179–180, 213–214.

¹⁷ Там же. С. 185–188, 190–192, 195–199.

¹⁸ Слово Иоанна Златоуста о добрых женах и злых // Памятники церковно-учительной литературы. С. 121–122.

не поведает, а тех много же, иже не потаят, что слышав»)¹⁹. Единственная возможность для мужчины управиться со злой женой, по мнению Иоанна Златоуста, это не допустить ее господство над мужем, ибо «беззаконно бо есть и хула люта, аще кем жена владеет, лучше таковому трясею болети, нежели злою женою обладану быти»²⁰.

Еще большую разработку сюжет о злых женах получил в светской литературе и пользовался популярностью вплоть до конца XVII в. Для Даниила Заточника злая жена — «мирский мятежь, ослепление уму, началница всякой злобе; в церкви — бесовская мытница: поборница греху, засада от спасения... лютая печаль, истощение дому»²¹. Во второй половине XV в. автор «Слова о злых женах» дал женщинам еще более уничижительную характеристику: «Что есть зла жена? Око дияволе, торг адов, сквернам царь, воевода неправдам, стрела сотонина, и уязвляющи многим сердце... кладязь смраден, стрела с чемерем, ветр север, день невндрен, пустота дому, бешена сука, неистова коза»²². Но самый отталкивающий образ женщины содержится в произведении конца XVII в. «Беседа отца с сыном о женской злобе». Задача отца заключается в том, чтобы отвратить сына от желания вступить в брак и внушить мысль о том, что «блажен той, иже девством живет»²³. Поэтому он выражает сомнение в реальном существовании добрых жен и не жалеет черной краски, характеризуя злых: «жена злая — домовная буря, многим потоп, неудержимое стремление, сердцу копие, иноком жжение, очесем поползение, покоище змиино, смертоносная беседа, неоставляющая трясовица, неутолимая огневица, мужу спящая лесть, встающая печаль, самохотная злая ратница, грехом учителница, темный вождь, хоругви адова, ниспадаемое желание, ветвь дияволя, спасаемым соблазн, болезнь неисцелная, злоба безуветная, удобь легко уловляюща дерзость; жена злая — ветр север, день неведрян, гостиница жидовская, совокупленница бесовская, несытная похоть...»²⁴. Если Даниил Заточник сравнивает злую жену со львом, самым злым, по его мнению, из четвероногих, и со змеей, которая «лютей в ползущихъ по земли»²⁵, то автор «Беседы» дополняет этот список медведицей, скорпионом, ехидной, змеей василиском и аспидом²⁶. Жена, по мнению этих авторов, сосредоточение зла и пороков, каждый из которых может погубить достойного мужчину. Источником многих бед являются невоздержанные

¹⁹ Слово Иоанна Златоустаго о добрых женах и злых. С. 124.

²⁰ Там же. С. 124.

²¹ Слово Даниила Заточника // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4. XII век / под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. СПб., 1997. С. 280.

²² Слово о злых женах // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 7. Вторая половина XV века / под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. СПб., 1999. С. 484.

²³ Беседа отца с сыном о женской злобе // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 15. С. 449.

²⁴ Там же. С. 456–457.

²⁵ Слово Даниила Заточника. С. 282.

²⁶ Беседа отца с сыном о женской злобе. С. 451–452.

на язык жены. Сварливая жена «имеет язык, яко бритву изошренну, на всякого человека наскочет, аки лев, всех злословит и укоряет, и осуждает, и на всех яд своего языка испускает»²⁷. По мнению Даниила Заточника: «Лутче есть утли лодии ездети, нежели зле жене тайны поведати: утла лодиа порты помочит, а злая жена всю жизнь мужа своего погубить»²⁸.

Если отечественные авторы осуждали женские пороки, то в произведениях переводной литературы они обычно высмеивались. В византийском собрании изречений IX в. «Пчела», получившем широкое распространение на Руси, Диоген, увидев ругающихся женщин, сказал: «Зрите како аспида отъ ехыдны зелья просить!»²⁹. Совершенно комичный образ сварливой жены представлен в сборнике шуточных произведений «Фацеции», получившем распространение в России в конце XVII в. В шутке «О злоязычной и непокорной жене» муж каждый раз, когда супруга «ему, яко псу, лаяла», брал пищалку и «непрестанно пищал». И пищал он до тех пор, пока «жена от злаго яду укротися» начала просить супруга: «О, милый мужу, Бога ради, престани и не пищи в сию пищальку, уже бо никако тебъ лаяти буду»³⁰.

Хуже жены болтливой и сварливой жена льстивая. Такая женщина добивается своего от мужа хитростью и коварством. Узнать ее легко, она постоянно восхваляет супруга («языкомъ поющи, словесы чарюющи») ³¹. Говорит такая жена мужу: «Господине мой и свете очию моею! Азь на тя не могу зрети. Егда глаголеши ко мне, тогда взираю и обумираю, и въздержат ми вся уды тела моего, и поничю на землю»³². О таких женщинах в «Пчеле» сказано: «Красны жены лобзания блюдися, яко змиина еда злаго»³³. А иногда хитрость может идти рука об руку с ленностью, и такая жена, чтобы не работать, донимает мужа жалобами: «Сия рукоделия делати не хочет, а как муж ея придет, и она лежит — шипит, стонет, встает — охает, и муж ея сия речет: “Жено, что и о чем скорбиши и ни о чем нерадиши?” И она, хотя и здрава, а речет: “Не могу”». Такая жена, пишет автор «Беседы отца с сыном о женской злобе», мужу не помощница — «и нужного одеяния не сотворит», — а все, что он накопит, «пронырством изнурить (истратит)»³⁴. «Много помочи бесу въ женьских клюках [хитростях]», — делает вывод автор «Слова о злых женах»³⁵.

Но если жена не только хитрая, но еще и красивая, то против такого соблазна мужчине очень сложно устоять. Таковую женщину автор «Слова о злых женах»

²⁷ Беседа отца с сыном о женской злобе. С. 450.

²⁸ Слово Даниила Заточника. С. 282.

²⁹ Пчела // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5. XIII век / под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. СПб., 1997. С. 446.

³⁰ Фацеции // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 16. XVII век / под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, Н. В. Поньрко. СПб., 2010. С. 223.

³¹ Слово о злых женах. С. 484.

³² Слово Даниила Заточника. С. 280.

³³ Пчела. С. 436.

³⁴ Беседа отца с сыном о женской злобе. С. 449.

³⁵ Слово о злых женах. С. 486.

сравнивает с сетью, в которую попадает мужчина «въ сластех»³⁶. Красавица, считает создатель «Беседы», страшнее змея василиска, потому что «многия души огнепальными стрелами устреляет, яко ядом змииным, видением своим юнных убивает»³⁷. При встрече с такой женщиной рекомендовалось отвернуться, так как «похоть отъ нея яко огонь разграеться»³⁸, или бежать, как «яко Ной потопа и яко Лот Содомского запаления»³⁹. Но если уж угораздило мужчину жениться на красавице, то он должен испытывать ее делами, а не смотреть «на красоту жены своеа», и тем более слушать «ея ласковая словеса и льстива»⁴⁰. Без должного контроля такая жена, вместо того чтобы дома смиренно сидеть, «скачет, пляшет и всем телом движется, сандалиями стучит, руками плещет и пляшет, яко прелстившаяся блудница Иродиада бедрами трясет, хрептом вихляет и главою кивает, голосом поет, языком глаголет бесовская, ризы многи пременяет и в оконцо часто призирает, подобно Иродиаде чинится и многим юнным угодит, и всякого к себе лстит»⁴¹. А в результате муж может столкнуться, как некий Григорий из шуточной истории «О исповеди жены», с тем, что его супруга на исповеди у священника каялась, «яко от мужа своего согрешаетъ»⁴².

Яркий образец такой «злой жены» представлен в популярной переводной повести XVII в. «Сказание о Бове Королевиче». Прекрасная королева Милитриса хотела выйти замуж за короля Дадона, но по настоянию отца была вынуждена вступить в брак с королем Видоном. Три года семейной жизни и рождение сына Бовы не смирило ее с супружеством, она направила Дадону письмо, в котором просит, чтобы он приехал «и моего бы короля Видона извель, а меня б взял себе за жены места»⁴³. Узнав о прибытии Додона, коварная Милитриса хитростью выслала супруга из города на верную смерть от рук соперника. После гибели Видона королева с радостью впустила в город Дадона «и возьмь его за белья руки, и любезно во уста целова, и поведе его в королевские полаты. И почели пити и ясти, и веселитися»⁴⁴. Совершив первое преступление, Милитриса окончательно превращается в злую жену, готовую ради благополучия любовника пожертвовать жизнью своего сына. Когда Дадон рассказал своей «прекрасной королеве», что ему приснился сон, в котором он погибает от руки ее Бовы, Милитриса заявила: «Могу яз и сама Бове смерть предати. Посажу ево в темницу и не дам ему ни пити, ни ясти, та ж ему смерть будет»⁴⁵. Только бегство спасло Бову от неминуемой смерти от рук матери.

³⁶ Беседа отца с сыном о женской злобе. С. 484.

³⁷ Там же. С. 452.

³⁸ Изборник 1076 г. М., 1965. С. 371–372.

³⁹ Беседа отца с сыном о женской злобе. С. 457.

⁴⁰ Слово Даниила Заточника. С. 280.

⁴¹ Беседа отца с сыном о женской злобе. С. 450.

⁴² Фацеции. С. 225.

⁴³ Сказание о Бове Королевиче // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 15. С. 236.

⁴⁴ Там же. С. 236.

⁴⁵ Там же. С. 237–238.

Еще один распространенный женский недостаток — это расточительность. Как пишет автор «Беседы отца с сыном», многие жены «уды своя связали шелком, лбы своя подтягнули жемчюгом, ушеса своя позавесили драгими серезами [серьгами]... вапами [красками] лица помазовати»⁴⁶ и в зеркало на себя любуются. Если же муж «хотения» расточительной модницы «не исполни», то «она зелне въздыхает, слезит и шепчет, ни худа, ни добра не глаголет, очи свои изменяет, нос потупит и зубы своими скрегчет... пред ним плачет день и ношь». Мужья же, стремясь угодить им, тратят на наряды и украшения большие деньги, а «сами восприяли убогое одеяние на себе носить» и даже «в великия долги себе влагают»⁴⁷.

Воспитывать злую жену, утверждали авторы древнерусских литературных памятников, бесполезно. Злонравная жена добрых поучений не слушает, «уши свои затыкает непослушания камением и непокорения жемчюгом драгим, яко аспид хоботом»⁴⁸. Хорошего отношения к себе не ценит: «кротима — выситься», а если бить ее, то «беситься»⁴⁹. Поэтому, как считал Даниил Заточник: «Лучше есть камень долоти, нижели зла жена учти... зла бо жена ни учения слушаает, ни церковника чтить, ни Бога ся боить, ни людей ся стыдить, но всех укоряет и всех осужает»⁵⁰.

Такая женщина в семье стремится к господству над мужем, что осуждалось и церковью, и обществом: «Горе граду тому, в немже властелинствует жена! Горе, горе дому тому, имже владеет жена! Зло и мужу тому, иже слушает жены!»⁵¹. «Не мужь в мужех, иже кимь своя жена владеет»⁵², — пишет в своих мирских притчах Даниил Заточник. Лучшее, что может сделать мужчина — это избегать брака с такой женщиной: «жены борзее себе не поймай», потому что «не аки господинь ей будеши, но она аки госпожа ти будеть»⁵³. Но если ему все-таки не повезло с супругой, то единственно, что муж должен сделать — сохранить свою власть над женой и не дать «настоупити ей на креность (твердость)» свою⁵⁴.

Но в то же время у религиозных и светских авторов было понимание того, что женщина, как и мужчина, будучи творением Божиим не может не нести в себе положительные качества. Более того, в древнерусском апокрифе «Беседы трех святителей», содержащем ответы на многочисленные вопросы религиозного характера, святителями Василием Великим, Григорием Богословом и Иоанном Златоустом было объяснено, «что ради» Иисус «от жены

⁴⁶ Беседа отца с сыном о женской злобе. С. 448.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же. С. 452

⁴⁹ Слово о злых женах. С. 486.

⁵⁰ Слово Даниила Заточника. С. 280.

⁵¹ Беседа отца с сыном о женской злобе. С. 448.

⁵² Слово Даниила Заточника. С. 278.

⁵³ Слово о злых женах. С. 486.

⁵⁴ Изборник 1076 г. С. 370.

родился». По их мнению, это было сделано из-за того, что «понеже роди человечески женою согреша. Дьявол бо прельсти Еву и Адам отпаде Рая», поэтому Бог решил очистить «ядь дьяволу» с помощью женщины, тем самым одержать победу над дьяволом («побение бысть Дьяволу»). С одной стороны, «женою бо испаде из Рая человек», а с другой — «от жены воплотися Бог и повеле верным внити в Рай»⁵⁵.

Таким образом, в древнерусской религиозной литературе появились сочинения о добрых женах, в которых формировался христианский образец женщины. Основой для него стали поучения Иоанна Златоуста. В соответствии с религиозным идеалом жена должна быть молчалива («в молчании повиноватися мужемъ своимъ»), послушна («не супротивляйтесь жены мужемъ своимъ, но во всемъ покоряйтесь имъ, и повинуйтеся жены мужни воли»), трудолюбива («жена бо добра встанеть в нощ и даст доволная брашна рабом своим, и учинить руце свои на полезная, а персты своя на веретено, и всю нощ не угасает светильник ее»)⁵⁶.

Именно такой была святая Юлиания Лазаревская, которая с детских лет была «кротка и молчалива, небуява, невеличава и от смеха и всякия игры отгребашеся», относилась с почтением к тетке в семье, в которой воспитывалась, оставшись сиротой. Выйдя замуж в возрасте 16 лет, Юлиания во всем слушалась свёкров, выполняя их повеления «со смирением послушание». А свёкры, видя ее доброту и трудолюбие, доверили Юлиании «все домовное строение правити»⁵⁷.

В произведениях светской литературы образ доброй жены, в отличие от злой, не во всем совпадает с христианским идеалом и даже в каком-то смысле противоречит ему. Эти несовпадения проглядываются уже в «Домострое» — сборнике поучений о правильной организации жизни в семье, составленном в XVI в., по всей видимости, священником Кремлевского Благовещенского собора протопопом Сильвестром. С одной стороны, автор «Домостроя» безусловно поддерживает сформировавшееся в религиозной литературе мнение о слабости женщины перед дьявольскими соблазнами и ее нестойкости даже перед простыми духовными испытаниями. Женщины болтливы, невнимательны, рассеяны, постоянно отвлекаются, непунктуальны и необязательны даже в вопросах веры, поэтому Сильвестр, указывая, как нужно вести себя в церкви, обращается именно к женам: «А въ церккви ни съ кемъ не беседовати, съ молчаниемъ, и послуша, стояти, никуда не обзираяся; ни на стену не прикланятися, ни къ столпу; ни съ посохомъ нее стояти; ни съ ноги на ногу не переступати... твердо и непоколебимо молитися со страхомъ и трепетомъ, и со въздыханиемъ и со слезами, и до отпения изъ церкви не изходити, а приити къ началу»⁵⁸.

⁵⁵ Из «Беседы трех святителей» // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 3. С. 356, 358.

⁵⁶ Слово Иоанна Златоуста о добрых женах. С. 119–120.

⁵⁷ Житие Юлиании Лазаревской // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 15. С. 108–109.

⁵⁸ Домострой Сильвестровского извода. СПб., 1891. С. 14–15.

Мужья должны «поучати» супруг своих «съ любовию и благоразсуднымъ наказаниемъ», тогда они получают жен послушных, которые всегда будут спрашивать мужей «о всякомъ благочинии: како душа спасти, Богу и мужу угодити; и домъ свой добре строити; и во всемъ ему покорятися; и что мужъ накажетъ, то съ любовию приимати и со страхомъ внимати, и творити по его наказанию»⁵⁹. Такая воспитанная, добрая жена заботится о муже («мужу своему все благожитие»), наставляет детей и слуг («и чада своя поучаетъ, такоже и рабъ»), милосердна («милость же простираетъ убогу»; «плодь же подаетъ нищимъ»), трудолюбива («страдолобива»), ну и, конечно, молчалива⁶⁰.

С другой стороны, «Домострой» — это не просто учительное произведение, это еще и практическое руководство по ведению домашнего хозяйства, в организации которого жена играет не менее важную роль, чем муж. Именно на ее плечи ложится обеспечение чистоты и порядка в доме, приготовление еды и напитков, шитье и рукоделие. В отношениях с домочадцами и слугами супруга предстает полноправной хозяйкой: «Возставъ отъ ложа своего, и молебная совершивъ, женамъ и девкамъ, и слугамъ дело указати дневное всякому рукоделию, и что работы...»⁶¹. Она самостоятельно разбирает конфликты и ссоры, наказывает виновных и привлекает мужа только в случае крайней необходимости, рассказав ему «въ чемъ которая женка или девка не слушаетъ, и слово и наказание неиметь ее, или какову пакость учинить»⁶². Автор «Домостроя» не мог не понимать, что мужу сложно будет помыкать такой активной, самостоятельной в решении большинства домашних проблем женщиной, поэтому Сильвестр рекомендовал мужьям «по вся дни и по вся вечера... и во утрии... съ женою советовати о устроении домовномъ: на комъ что положено, и кому которое дело приказано ведати, и тому наказати: что коли устроити ести и пити, про гости, или про себя»⁶³.

Еще более неординарный образ доброй жены создан в «Повести о Петре и Февронии», автором которой, по всей видимости, был книжник XVI в. Ермолай-Еразм. Несмотря на то что «Повесть» создавалась как агиографическое произведение, она не вписывается в строгие каноны жития. Скорее всего, в его основу была положена подвергшаяся обработке устная легенда. Учитывая фольклорный характер «Повести о Петре и Февронии», простоту языка и то, что она не была включена в «Великие Минеи Чети», ее можно считать памятником светской литературы.

В «Повести о Петре и Февронии» читатель сталкивался с совершенно необычным видением женщины, которое противоречило представлениям, сложившимся в ранней литературе. Одним из признаков злой жены, как упоминалось выше, считались хитрость и коварство, проявлявшиеся в умении

⁵⁹ Домострой Сильвестровского извода. С. 27.

⁶⁰ Там же. С. 20–21.

⁶¹ Там же. С. 28.

⁶² Там же. С. 35.

⁶³ Там же. С. 47.

говорить «клюками». Как справедливо указывает А. С. Дёмин, «ни изысканное говорение “клюками”, ни простая “язычность” женщин не вызывали положительных чувств у древнерусских писателей XI–XIV вв. По отношению к подобным женским качествам у мужчин преобладало опасение на грани страха, древнего языческого ужаса»⁶⁴.

Умение Февронии говорить иносказательно уже не пугает ни героев «Повести», ни читателей, а, скорее, интригует, вызывает уважение и восхищение. Ей удастся удивить своими загадками не только юношу, посланного найти лекаря, способного излечить князя Петра от «болезни тяжкой и язв», но и «переключать» (перехитрить) самого князя. Сначала, желая испытать мудрость Февронии, он послал слугу с небольшим пучком льна и приказом из этого материала, пока он будет в бане, сделать «срачицу [сорочку], и порты, и убрусець». В ответ на это Феврония велела юноше отрубить пядь от полена и передать Петру, чтобы он изготовил из этого обрубка «стан и все строение, коим сочтется полотно его». На возмущенный ответ князя: «невозможно есть в такове мале древе и в таку малу годину сичева строения сотворити» — Феврония велела передать: «А се ли возможно есть, человеку мужеска возрасту въ едином повесе лну в малу годину, в нюже пребудет в бани, сотворити срачицу, и порты, и убрусець?». Князь же, пишет автор, «дивлеса ответу ея»⁶⁵.

Прозорливее Петра оказалась Феврония и в вопросе лечения князя. Выдвинув в качестве условия исцеления супружество, она понимала, что князь может не сдержать свое обещание: «Како князю сущу древолазца дщи пояти себе жену!» Поэтому, изготовив лекарство, велела князю пойти в баню, помазать «сим по телу своему, идеже суть струпы и язвы», но один струп «да оставит не помазан»⁶⁶. Как и предвидела Феврония, излечившись, князь отказался от своего обещания, «не восхоте пояти ю жену себе отечества ея ради и послав к ней дары». Оскорбленная девица дары не приняла, а из оставшегося струпа «начаша многи струпы расходитися на теле его от первого дни». Пришлось Петру вернуться и «с твердостью слово дать ей, яко имат пояти ю жену себе»⁶⁷.

Уже став княгиней и столкнувшись с презрением со стороны муромских бояр и их жен, которые не хотели подчиняться хуродной супруге князя, Феврония «переключала» и их. Она согласилась покинуть Муром при условии, что «дадите мне его же, аще аз вопрошу у ваю». Бояре с радостью согласились, а Феврония заявила, что «ничтоже ино прошу, токмо супруга моего, князя Петра». И Петр «не возлюбил временнаго самодержавьства кроме Божиих заповедей», последовал за своей супругой⁶⁸. Однако бояре, не сумевшие поделить власть в городе, начали упрашивать Петра и Февронию вернуться в Муром:

⁶⁴ Дёмин А. С. Указ. соч. С. 104.

⁶⁵ Повесть о Петре и Февронии Муромских // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 9. С. 462.

⁶⁶ Там же. С. 460.

⁶⁷ Там же. С. 462.

⁶⁸ Там же. С. 464.

«Господи княже, аще и прогневахом тя и раздражихом тя, не хотяще, да княгини Феврония господствует женами нашими, ныне же, со всеми дома своими, раби ваю есмы, и хощем, и любим, и молим, да не оставита нас, раб своих!»⁶⁹

В «Повести» хитрость Февронии уравнивается ее прозорливостью и мудростью. Этими качествами она превосходит даже своего супруга князя Петра и является ведущей в их супружеском союзе. Когда бояре потребовали изгнания Февронии, Петр возложил решения этой проблемы на супругу: «Да глаголита к Февронии, и якоже рчет, тогда слышим»⁷⁰. И по возвращении в Муром Петр правил вместе с супругой «аки чадолюбивии отець и мати»⁷¹. Даже автор «Повести», провозглашая хвалу князю и княгине, указывает, что такое мужское качество, как мудрость, было представлено в женщине: «Радуйся, Февроние, яко в женстей главе святых муж мудрость имела еси»⁷². Таким образом, в «Повести о Петре и Февронии Муромских» автором был создан женский образ, по совокупности личностных качеств превосходящий мужской.

Такой же мудрой и прозорливой предстает перед нами главная героиня «Повести о тверском отроче монастыре». Дочь церковного пономаря Ксения «велми красна» и при этом «благочестива и кротка, смиренна и весела, и разум имея великъ зело, и хождаше во всехъ заповедехъ Господнихъ, и почиташе родители своя зело, и повинуюся има во всемъ, от младых ногтей Христа возлюбила и последуя ему...»⁷³ В ней гармонично сочетаются как традиционно положительные женские качества — благочестие, кротость, смирение, повиновение, прилежание, так и те, которые изначально воспринимались как греховные, — красота, веселость, большой ум, несвойственные доброй жене. Кроме того, Ксения, как и Феврония, обладает даром провидения воли Божьей. Когда к ней начал свататься любимый отрок тверского князя Ярослава Ярославича Григорий, покоренный красотой девушки, она говорит родителям: «Господие мои! Не дивитесь о сем, что вам обещался сей отрокъ, онъ бо тако совеща, но Богъ свое строить: не сей бо мне будетъ супругъ, но той, егоже Богъ мне подасть»⁷⁴. Ксения заранее знает, что ей уготовано быть женой князя, поэтому она, как и Феврония, держит свою судьбу в своих руках и в вопросе брака занимает активную позицию.

Отрок Григорий испросил у князя разрешение на брак с Ксенией, и начались приготовления к венчанию и свадьбе. Однако Ксения знала, что мужем ее станет не Григорий, а другой человек. И когда в разгар приготовлений к торжеству к церкви св. великомученика Дмитрия Солунского прилетел сокол, а вслед за ним приехал его владелец — князь Ярослав Ярославич, Ксения заявила гостям: «Востаните вси и изыдите во стретение своего великаго князя,

⁶⁹ Повесть о Петре и Февронии Муромских. С. 466.

⁷⁰ Там же. С. 464.

⁷¹ Там же. С. 469.

⁷² Там же. С. 470.

⁷³ Повесть о тверском отроче монастыре // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 15. С. 128.

⁷⁴ Там же. С. 129.

а моего жениха». А сватавшемуся к ней отроку сказала: «Изыди ты от мене и даждь место князю своему, онъ бо тебе болши [знатнее тебя] и женихъ мой, а ты былъ свать мой»⁷⁵. Ну и, конечно, как только «великий же князь узре ту девицу зело прекрасну, и аки бы лучамъ от лица ея сияющимъ» в тот же день женился на ней⁷⁶.

Те изменения в представлении о доброй жене, которые мы видим в образе Февронии Муромской и Ксении, получили свое продолжение в «Повести о Карпе Сутулове», написанной в конце XVII в. Богатый купец Карп Сутулов имел жену «именем Татиану, прекрасну зело» и жил «с нею великою любовию». Отправляясь в длительную торговую поездку Карп не требует от жены вести замкнутый, уединенный образ жизни, а, наоборот, оставляет ей деньги, чтобы в его отсутствие она «творила... частыя пиры на добрыхъ женъ, на своихъ сестерь», а если закончатся деньги, даже разрешал одолжить сто рублей у его друга, купца Афанасия Бердова. Автор «Повести» без всякого осуждения и даже с одобрением описывает веселую жизнь купеческой жены: «Жена же провождаше его в путь далече честно и любезно и радостно велми, и возвратися в дом свой, и нача после мужа своего делати на многия добрыя жены частыя пиры, и веселеса с ними велми, вспоминая мужа Карпа в радости»⁷⁷.

В отсутствие мужа красавица Татьяна становится источником соблазна для окружающих мужчин, но и здесь автор видит не вину женщины, а распущенность мужчин. Татьяна была изумлена, когда друг мужа Афанасий Бердов на просьбу одолжить сто рублей, «зря очима своима и на красоту лица ея велми прилежно, и разжигая к ней плотию своею», предложил: «Азь дамъ тебе на брашна денегъ сто рублевъ, толко лягъ со мною на ночь»⁷⁸. Каково же было удивление Татьяны, когда она получила похожие предложения сначала от своего духовника: «Азь тебе дамъ и двести рублевъ, но пребуди со мною на ночь», — а потом и от архиепископа: «Остави обоихъ ихъ, попа и гостя, но пребуди со мною единым, и азь дамъ тебе и триста рублевъ»⁷⁹.

Чтобы выйти из сложившейся ситуации Татьяне пришлось обратиться к женской хитрости и «переключать» развратников. Назначив им встречу в один день в разное время, она создала ситуацию, при которой каждый из гостей, боясь раскрытия «срама... и безчестия», готов был прятаться в сундуке. После чего находчивая женщина пошла к воеводе и попросила у него в займы сто рублей под залог сундуков «з драгими ризами и многоценными». Когда же сундуки были принесены и открыты, все увидели «гостя сидяща во единой срачице, а в другомъ сундуке попа во единой же срачице и без пояса, а в третьемъ сундуке самого архиепископа в женской срачице и бес пояса». Все три блудника по приказу воеводы вышли из сундуков «и быша от срамоты, яко мертвы,

⁷⁵ Повесть о тверском отроке монастыре.. С. 131–132.

⁷⁶ Там же. С. 132.

⁷⁷ Повесть о Карпе Сутулове // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 15. С. 76.

⁷⁸ Там же. С. 77.

⁷⁹ Там же. С. 77–78.

посрамлены от мудрая жены»⁸⁰. В данной повести поступок Татьяны оценивается не как хитрость, а как мудрость. Когда же Карп Сутулов вернулся из поездки и услышал от супруги эту историю, «он же велми возрадовался о такой премудрости жены своей, како она таковую премудрость сотворила». Хитрость Татьяны в «Повести» названа «целомудренным разумом», потому что «яко за очи мужа своего не посрамила, и таковыя любви с ними не сотворила, и совету мужа своего с собою не разлучила, и великую честь принесла иму, ложа своего не осквернила»⁸¹.

Заметную роль в переосмыслении роли женщины на Руси сыграла переводная литература. Уже в повести об Александре Македонском «Александрия», появившейся в России в XV–XVI вв. в сербской редакции, супруга македонского царя Роксолана соответствует русской учительной традиции о доброй жене своей любовью и верностью мужу («ты указа мне любов и честь верну соблюде, якоже ни едина жена ко своему мужю») ⁸². При этом все эти качества персидской царевны прекрасно сочетались с ее красотой, которая пробудила к ней любовь македонского царя («Аз же безмерную ея красоту виде, жену себе понял»). Более того, любовь к прекрасной женщине не только не погубила Александра, не заставила его забыть о своей семье, но заставила его переосмыслить свое отношение к близким: «Ведомо да есть вамъ, отнележе женьская любов сердца моего не обняла ест, ни ко мне мысль не находаше о вас и о домашних»⁸³.

Во второй половине XVII в. благодаря переводной литературе перед русским читателем предстает уже и романтизированный в духе рыцарской литературы образ женщины. Так, героиня «Повести о Петре Златых Ключей», восходящей к французскому роману XV в., королева Магилена «вельми прекрасна, и на свете ея несть краше»⁸⁴. По мнению влюбленного в нее странствующего королевича Петра, красота ее «не человеческая, но ангельская» и нет никого на свете кто бы мог сравниться с ней⁸⁵. При этом помыслы красавицы Магилены чисты, она искренне любит Петра. «Мое сердце, — говорит королева, — по тебе неизреченно изравнено верно и от всего сердца люблю тя паче себя». Героиня стремится не к сиюминутным телесным радостям, а к законному супружеству с Петром и уверена в том, что в лице своего рыцаря найдет человека, который сохранит ее честь до брака. Так, Магилена спокойно отправляется в дальнее странствование к родителям жениха, зная, что может положиться на его «честную породу», что Петр «въ дорогу позору» ей не учинит и «в девической чистоте» соблюдет⁸⁶. И все последующие злоключения, которые

⁸⁰ Повесть о Карпе Сутулове.. С. 79–80.

⁸¹ Там же. С. 81.

⁸² Александрия // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 8. С. 146.

⁸³ Там же. С. 80.

⁸⁴ Повесть о Петре Златых Ключей // Библиотека литературы Древней Руси Т. 15. С. 281.

⁸⁵ Там же. С. 294.

⁸⁶ Там же. С. 300.

пережили герои были следствием неводержанности именно Петра, сердце которого при взгляде на красоту спящей Магилены «наипаче распалилось сердечную любовью и мыслию иною, неподобною, не к доброму делу»⁸⁷. В этой повести прекрасная Магилена, оставшись одна в чужих землях, не утратила силы духа; в ожидании любимого Петра она не только сохранила свою «девическую чистоту», но и «въ трудехъ своихъ соорудила церковь и больницы, и около больныхъ труждалась многое время»⁸⁸.

Заключение. Таким образом, значительная часть русской религиозной и светской литературы способствовали формированию негативного образа женщины на Руси. Особенно ярко отрицательные качества, приписываемые представительницам прекрасного пола, прослеживаются в образе злой жены, которой, по мнению авторов и отечественных, и зарубежных переводных произведений, свойственны развращенность, жадность, хитрость, болтливость, сварливость, расточительность и т. п. Читатель должен был сделать вывод, что доверять женщине, а тем более уступать ей, нельзя, так как без должного контроля со стороны мужа женщина может превратиться в злую жену. Эти произведения последовательно обосновывали необходимость власти мужа над женой.

Однако понимание того, что женщина, так же как и мужчина, является творением Божиим, заставило авторов литературных произведений искать в ней не только недостатки, но достоинства. Следовательно, параллельно с образом злой жены в литературе появляется жена добрая. В христианской учительной литературе образ доброй жены предельно идеализирован и схематизирован. Она тиха, скромна, послушна, трудолюбива. Даже сами авторы этих произведений понимали, что в реальной жизни такие женщины встречаются крайне редко.

Гораздо больший интерес представляет образ доброй жены, созданный светской литературой. Представленный в этих произведениях положительный образ женщины контрастирует с религиозным идеалом. Героини этих повестей — активные, целеустремленные личности, самостоятельно определяющие свою судьбу. В доме они полноправные хозяйки наравне с мужем. При этом женщины в светских произведениях красивы, веселы, умны, хитры. Эти качества, которые в религиозных поучениях представлялись как женские пороки, в светских повестях показаны как достоинства. По всей видимости, именно эти произведения в преддверии преобразований конца XVII – начала XVIII в. создали основу для переосмысления положения женщины в семье и обществе в Новое время.

⁸⁷ Повесть о Петре Златых Ключей. С. 302.

⁸⁸ Там же. С. 323.

Литература

1. Анпилогова Е. С. Русская женщина в восприятии современников на рубеже XVII–XVIII веков // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 92. С. 45–48.
2. Дёмин А. С. Женские загадки в древнерусской литературе XI–XIV вв. // Дёмин А. С. О художественности древнерусской литературы: Очерки древнерусского мировидения от «Повести временных лет» до сочинений Аввакума. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 100–104.
3. Долгов В. В. Знаковая составляющая сексуальной культуры Древней Руси XI–XIII веков // Этнографическое обозрение. 2009. № 2. С. 124–128.
4. Дроздова М. А. Образ «злой жены» в переводном рыцарском романе XVII века на примере образа королевы Милитрисы в «Повести о Бове королевиче» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 3-1 (57). С. 20–22.
5. Дроздова М. А. Образ «злой жены» в произведениях древнерусской словесности XVII века // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2015. Т. 1. № 4. С. 9–15.
6. Мороз Е. Веселая Эрата: Секс и любовь в мире русского Средневековья. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 176 с.
7. Пушкарёва Н. Л. Сексуальность в частной жизни русской женщины (X–XX вв.): влияние православного и этакратического гендерных порядков // Женщина в российском обществе. 2008. № 2. С. 3–17.
8. Романов Б. А. Люди и нравы древней Руси. Историко-бытовые очерки. М.; Л.: Наука, 1966. 236 с.
9. Сулица Е. И. Женские персонажи древнерусской словесности: поэтическая образность и принцип синкретичности // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2014. № 4 (45). С. 76–90.

References

1. Anpilogova E. S. Russkaia zhenshchina v vospriiatii sovremennikov na rubezhe XVII–XVIII vekov [Russian woman in contemporaries' perception at the late XVIIth and early XVIIIth centuries] // Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences. 2009. № 92. P. 45–48. (In Russ.).
2. Demin A. S. Zhenskie zagadki v drevnerusskoi literature XI–XIV vv. [Demin A. S. Women's riddles in ancient Russian literature of the XI–XIV centuries] // Demin A. S. O khudozhestvennosti drevnerusskoi literatury: Ocherki drevnerusskogo mirovideniia ot «Povesti vremennykh let» do sochinenii Avvakuma. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury, 1998. P. 100–104. (In Russ.).
3. Dolgov V. V. Znakovaia sostavliaiushchaia seksual'noi kul'tury Drevnei Rusi XI–XIII vekov [An iconic component of the sexual culture of Ancient Rus' of the XIth – XIIIth centuries] // Etnograficheskoe obozrenie. 2009. № 2. P. 124–128. (In Russ.).
4. Drozdova M. A. Obraz «zloi zheny» v perevodnom rytsarskom romane XVII veka na primere obraza korolevy Militrisy v «Povesti o Bove koroleviche» [The image of an “evil wife” in a translated knightly novel of the XVIIth century using the example of the image of Queen Militrisa in “The Tale of Bova the Prince”] // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2016. № 3-1 (57). P. 20–22. (In Russ.).

5. Drozdova M. A. Obraz «zloi zheny» v proizvedeniakh drevnerusskoi slovesnosti XVII veka [The image of the “evil woman” in the works of old Russian literature of the XVII century] // Pushkin Leningrad State University Journal. 2015. Vol. 1. № 4. P. 9–15. (In Russ.).
6. Moroz E. Veselaia Erata: Seks i liubov' v mire russkogo Srednevekov'ia [Merry Erata: Sex and love in the world of the Russian Middle Ages]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2011. 176 p. (In Russ.).
7. Pushkareva N. L. Seksual'nost' v chastnoi zhizni russkoi zhenshchiny (X–XX vv.): vliianie pravoslavnogo i etakraticeskogo gendernykh poriadkov [Sexuality in the private life of a Russian woman (X–XX centuries): the influence of Orthodox and ethacratic gender orders] // Woman in Russian Society. 2008. № 2 (47). P. 3–17. (In Russ.).
8. Romanov B. A. Liudi i nrapy drevnei Rusi. Istoriko-bytovye ocherki [People and customs of ancient Russia. Historical and household essays]. Moscow; Leningrad: Nauka, 1966. 236 p. (In Russ.).
9. Sulitsa E. I. Zhenskie personazhi drevnerusskoi slovesnosti: poeticheskaia obraznost' i printsip sinkretichnosti [Female characters in old Russian literature: poetic imagery and syncretism] // The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin. 2014. № 4 (45). P. 76–90. (In Russ.).